

Внезапное охлаждение Чжоу Юэхэна вовсе не казалось Ци Фану — тот и впрямь стал отвечать на его сообщения всё реже.

— Мне кажется, в его характере не хватает одной черты, — произнёс Чжоу Юэхэн, когда Линь Юй снова заговорил с ним о Ци Фане.

— Какую же черту стоит добавить? — поинтересовался тот.

— Скрытность.

— Скрытность?

— Именно.

— Считаешь, он не до конца откровенен с тобой? — перефразировал Линь Юй.

— Да.

— И тебя это задевает?

Задевает? Чжоу Юэхэн задумчиво прикинул... пожалуй, нет.

Если взглянуть на мелкие хитрости парня сквозь призму его намеренного стремления сблизиться, в них даже можно найти некое очарование. И всё же поведение Ци Фана требовало лёгкого наказания — и умеренное охлаждение подходило для этого как нельзя лучше.

— Я не люблю, когда от меня что-то скрывают, — добавил Чжоу Юэхэн. — Скрытность порождает неопределённость.

А неопределённость противоречила его главному принципу — всё держать под контролем.

— Понимаю, — кивнул Линь Юй.

Скандал, который Нин Чжу устроил в тренировочном зале, пристав к одному из стажёров, мигом разнёсся по компании. Те, кто был в курсе подробностей, откровенно потешались над ним.

Досталось и Ли Сяну: руководство вlepило ему выговор за то, что тот не сумел утихомирить

своего подопечного. Менеджер смиренно выслушивал нагоняи, про себя лишь тяжело вздыхая.

Попал между двух огней: как ни крути, а виноватым всё равно останешься ты.

Пользуясь тем, что Нин Чжу как раз находился в офисе, руководство решило не ждать окончания контракта и вызвало его на разговор. Итог оказался предсказуем — расторжение договора досрочно. В качестве утешительного приза ему предложили обложку декабрьского номера не самого известного журнала.

Ли Сян сидел рядом с Нин Чжу и наблюдал, как тот то сжимает, то разжимает кулаки, пока наконец не поставил на документах свою подпись — с бессильной, горькой ухмылкой.

Потеряв и лицо, и остатки гордости, Нин Чжу уходил посмешищем для самого себя — пойти на расторжение ради какой-то жалкой обложки! По дороге к выходу ему казалось, будто каждый встречный одаривает его издевательским взглядом.

— Нин Чжу, подожди, — Ли Сян догнал его у лифта и вызвал кабину. — С тобой ведь связывались другие агентства? Помнится, «Цицай» проявляли к тебе интерес. У них отличная музыкальная база, как раз в твоём стиле. Пусть мы больше не работаем вместе, если что понадобится — сразу звони. Мы ведь...

— Не стоит, — перебил Нин Чжу, повернувшись к нему с ядовитой ухмылкой. — Возвращайся лучше к своим стажёрам. Это ведь твои будущие денежные мешки.

— Ах да, особенно этот ваш... Ци Фан.

В его глазах застыл ледяной презрительный блеск. Как только двери лифта распахнулись, Нин Чжу решительным шагом вышел наружу. Ли Сян так и остался стоять на месте, с горечью понимая: вражда с Ци Фаном окончательно перечеркнула и их отношения.

Хотя Нин Чжу прекрасно понимал — все решения принимались руководством, и простой менеджер ничего не мог изменить.

Двери плавно закрылись, и лифт поехал вверх. Ли Сян достал телефон, намереваясь написать Нин Чжу пару тёплых слов — всё-таки столько лет работали вместе, к чему расставаться врагами? Однако экран лишь на мгновение застыл на значке отправки, после чего выдал системное уведомление: пользователь удалил вас из списка друзей.

Ли Сян замер в оцепенении. Когда лифт остановился, он спохватился, покачал головой и собирался уже выбрать нужный этаж, как двери распахнулись.

На площадке стоял Ци Фан.

На его шее висело полотенце, которым юноша как раз вытирал пот с лица — судя по всему, собирался вернуться в общежитие.

— Вы ко мне? — спросил Ци Фан.

Ли Сян замешкался на мгновение, а затем натянул улыбку.

Если уж Нин Чжу плевать на прошлые годы, то с какой стати ему самому принимать всё близко к сердцу? К тому же тот прав: именно эти стажёры — его будущее.

— Ага, к тебе, — ответил Ли Сян. — Скоро аттестация. Как настрой?

Ци Фан вошёл в кабину и встал рядом:

— Думаю, всё должно пройти гладко.

— Выбрал направление, которое тебе ближе?

— Актёрское мастерство, — ответил Ци Фан, повернув к нему голову.

Ли Сян был невысокого роста, поэтому Ци Фан смотрел на него сверху вниз — но этот взгляд был полным уверенности и скрытой силы.

Сердце менеджера ёкнуло. Вдруг появилось чёткое, неоспоримое ощущение: под его руководством этот парень взойдёт на самую вершину, туда, где сияют софиты.

Первый этап аттестации был рассчитан на два дня: в первый оценивали вокал и хореографию, во второй — актёрское мастерство. В комиссию входили сотрудники отдела менеджмента и наставники. Итоговые результаты озвучивали далеко не сразу.

В первый же день Ци Фан почувствовал недомогание, но значения этому не придал. Ли Сян купил ему лекарства, однако они не помогли: ко второму дню, когда пришла пора сдавать актёрку, юноша горел — его лицо заметно покраснело от жара.

— Ох, блин, ты ещё и осип? — всплеснул руками Ли Сян, понимая, что дело плохо.

— Есть немного, — Ци Фан сделал глоток воды, пытаясь унять саднение в горле.

Менеджер едва не сходил с ума от досады: невооружённым глазом было видно, что парень еле держится.

— Ладно, главное — не переживай. Первый этап — это так, разминка. Твои старания на тренировках и без того у всех на виду.

— Угу, — кивнул Ци Фан.

В этот момент его окликнули, приглашая вытянуть жребий. Ли Сян же решил, что оставлять парня с такой температурой нельзя: спохватился, вспомнил, что в кабинете лежат охлаждающие пластыри от жара, и помчался за ними. Очередь всё равно дойдёт не сразу, а с пластырем Ци Фану станет хотя бы чуточку легче.

Однако когда Ли Сян вернулся с пластырями, Ци Фана в комнате ожидания уже не оказалось.

Менеджер дважды обошёл помещение, внимательно вглядываясь в лица стажёров, но так его и не нашёл.

— А где Ци Фан? — спросил он у первого попавшегося парня.

— Кажется, звонить пошёл. Только что видел, как он выходил с телефоном.

— Понял, спасибо.

Ли Сян ринулся на поиски. Он заглянул во все пустые классы, но парня нигде не было. Уже решив, что тот ушёл отлёживаться в общежитие, менеджер вдруг уловил тихий говор в самом конце коридора.

Прислушавшись, он узнал голос Ци Фана.

Ли Сян уже сделал шаг вперёд, как вдруг до него донеслись слова, произнесённые с невиданной ранее мягкостью — почти капризной, ищущей защиты:

— Брат, мне так страшно...

От этого тона менеджер буквально опешил и замер как вкопанный.

Чжоу Юэхэн только закончил обедать, когда на экране отобразился вызов. Дневного сна он не признавал, так что Ци Фан мог не опасаться его потревожить.

Не ожидая, что парень заговорит о своей аттестации, Чжоу Юэхэн уже собирался бросить пару дежурных слов утешения, как из динамика донеслось глухое покашливание — будто Ци Фан уткнулся лицом в рукав.

Когда приступ наконец прекратился, Чжоу Юэхэн поинтересовался:

— Простудился?

— Угу, — тихо отозвался тот. — Есть немного.

Из-за кашля его голос прозвучал ещё более хрипло, чем обычно.

Чжоу Юэхэн на мгновение задумался:

— Что съёшь сегодня?

— Актёрское, — с досадой вздохнул Ци Фан. — Боюсь, со своей речью я только всё испорчу — они ничего не разберут.

— Перед выходом выпей тёплой воды, смочи горло. А если накатит волнение — сделай несколько глубоких вдохов.

Ци Фан помолчал пару секунд и вдруг спросил:

— Брат Хэн, а ты сам нервничаешь, когда выступаешь перед публикой?

— Раньше нервничал.

— И тоже спасался глубокими вдохами?

— Не только, — уловив, с каким трудом тот держится, Чжоу Юэхэн позволил себе редкую шутку: — Я обычно прибегаю к одному приёму.

— Какому? — тут же переспросил Ци Фан.

— Представляю, что предо мной сидят не люди, а обычные деревянные чурбаны.

Ци Фан не удержался и тихо фыркнул, а Чжоу Юэхэн слегка улыбнулся.

Стоявший неподалёку Ли Сян испытывал смешанные чувства. Он и представить не мог, что за неприступной холодностью Ци Фана скрывается совершенно иной человек. Вся его невозмутимость и отстранённость оказались лишь маской! Надо же, столько лет проработать менеджером — и так не разгадать подопечного...

Когда Ци Фан закончил разговор и вернулся в комнату ожидания, Ли Сян подскочил к нему и сунул в руки пластырь. Его взгляд при этом полнился такой непреодолимой... сострадательной нежностью, что Ци Фан замер на месте, одарив менеджера ледяным прищуром.

Ли Сян пожевал губами, но промолчал. Лишь похлопал юношу по плечу:

— Понимаю, груз на тебе огромный... Но ты держись, всё будет хорошо!

Ци Фан: «...»

— Угу.

Он молча убрал пластырь в карман брюк.

— Эй, да ты наклей! Чего добру пропадать?

— Чуть позже.

За вытягиванием жребия последовал выбор отрывка — на подготовку и запоминание текста давалось полчаса. Монолог предполагал соло-выступление. Ли Сяну нужно было проконтролировать остальных, так что, ещё раз строго велел наклеить пластырь, он умчался по делам.

Ци Фан забился в дальний угол, развернул отрывок и наконец-то достал пластырь, прилепив его ко лбу.

Номер ему достался паршивый — ближе к концу. К этому моменту жюри обычно уже выматывается, и привлечь их внимание невероятно трудно. Единственным плюсом казалась выбранная роль: она поразительно точно перекликалась с его текущим состоянием.

Ему достался сходящий с ума учёный на грани нервного срыва. Сцена описывала очередной провал после тысяч бесплодных попыток: отдано абсолютно всё, а взамен — лишь ворох бесполезных цифр. Ярость, обида, безумный крик, сменяющиеся полным отчаянием и опустошением — эмоциональный накал зашкаливал.

Ци Фан попробовал произнести пару реплик, но остался недоволен результатом. Время ещё оставалось, поэтому он прошёл в мини-кухню и взял кусочек сахара-рафинада.

Когда назвали его номер, сахар во рту почти растаял. Раскусив остаток, Ци Фан переступил порог экзаменационной аудитории.

Обстановка здесь была крайне скупой: только стол да стул, обо всём остальном актёру предстояло догадываться самому.

Вдоль трёх стен стояли длинные скамьи, на которых яблоку негде было упасть. По центру восседали незнакомые ему люди, а по бокам расположились менеджеры и педагоги.

— Номер тридцать четыре, Ци Фан, — объявил ассистент.

Ци Фан кивнул и коротко представился:

— Меня зовут Ци Фан.

Стоило ему заговорить, как многие поморщились. Ли Сян испуганно вскинул взгляд: за это время парню не стало лучше, напротив — его голос звучал ещё более сипло и глухо.

— Готовы? Если да, можете начинать, — произнёс ассистент. — Время — пять минут.

Ци Фан окинул взглядом скучную обстановку, слегка сдвинул стол и стул, после чего подал знак ассистенту.

Отсчёт пошёл.

Ци Фан замер у стола, зажмурился и расправил грудь, сделав глубокий вдох. А когда открыл глаза — их выражение разительно изменилось.

Опёршись руками о столешницу, он вглядывался в пространство перед собой, словно перед ним висел полупрозрачный экран. В этом взгляде вспыхнула отчаянная, слепящая надежда: здесь была вся его жизнь, весь смысл его существования, и прямо сейчас решалась его судьба.

Строчки данных стремительно бежали вниз. Тело Ци Фана сотрясала дрожь, он не мог совладать с нарастающим трепетом. Его дыхание стало тяжёлым, сдавленным, вырывавшимся из груди с хриплым свистом — словно изношенные кузнечные мехи. Но внезапно он увидел нечто невообразимое. Зрачки расширились. Ци Фан судорожно заметался у стола, перебирая невидимые бумаги, проверяя каждую цифру, каждый шаг... А когда сравнение завершилось, свет в его глазах медленно угас.

Его охватил слепой порыв: он сметал всё со стола, сгребал листы, пытался даже перевернуть сам стол, но истощённое тело предало его — не хватило сил. Ци Фан рухнул на колени. Его губы задрожали, и он выдохнул с горьким отчаянием:

— Почему?..

Голос сорвался на хриплый, болезненный шёпот.

— Всё ведь было верно... Это... этого не может быть...

Он воззрился на пустой экран, где жестокая реальность отчеканила приговор.

Ци Фан сжал грудь, его глаза налились кровью:

— Почему?!

Тающий сахар изменил работу связок: каждый его выкрик отзывался безумной надрывностью. В каком-то болезненном экстазе он распростёр руки по полу, сгребая в объятия рассыпанные листы с результатами.

Буря чувств перехватила дыхание. Он растянулся на холодном полу, и вскоре от его крика остались лишь тихие, едва различимые стоны.

Ци Фан смежил веки. Одинокая слеза скатилась по виску и затерялась в волосах.

Раздался резкий сигнал таймера — пять минут истекли.

Ци Фан поднялся с пола, вытер слезу и выпрямился.

Только после этого зрители смогли вынырнуть из созданного им наваждения. Линь Гохуа посмотрел на юношу с нескрываемым одобрением и первым зааплодировал.

Вслед за ним аудиторию захлестнул шквал аплодисментов. Ци Фан ответил глубоким, уважительным поклоном.

Едва ассистент выкликнул следующий номер, он вышел за дверь.

Закончившие выступление могли распоряжаться временем по своему усмотрению. Многие оставались под дверью, надеясь раньше времени узнать оценки. Ци Фан же и без того представлял свой результат, а потому сразу отправился в общежитие. Забрав личные вещи, он спустился на улицу: Чжоу Юэхэн знал, что тот планирует ехать в жилой комплекс

«Хуатинюань», и прислал за ним машину.

Но чего Ци Фан никак не ожидал — так это увидеть на заднем сиденье самого Чжоу Юэхэна.

Распахнув дверцу и наткнувшись взглядом на знакомую фигуру, парень замер на пороге.

— Не собираешься садиться? — Чжоу Юэхэн был без очков, и на переносице выделялся едва заметный красный след от оправы.

Взгляд Ци Фана скользнул по его лицу. Сглотнув, он забрался на заднее сиденье. Водитель уже собирался обернуться и что-то сказать, как вдруг осёкся: Ци Фан вытянул длинные руки и одним движением сгрёб Чжоу Юэхэна в объятия.

Дышащее зноем тело обрушилось на него подобно раскалённой печи.

— Брат Хэн, я всё сделал как надо... — прошептал Ци Фан сиплым, иссушенным голосом.

Чжоу Юэхэн прижался к нему, ощущая кожей шеи пышущий жаром лоб юноши.

Он слегка сжал его горячий затылок и тихо произнёс:

— Ци Фан, у тебя же сильный жар.

<http://bllate.org/book/20690/2162701>